

УДК 316.722:008

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-64-74

ТЮРИН Евгений Анатольевич, кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru, AuthorID: 456416

TYURIN E.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru, AuthorID: 456416

САВИНОВА Елена Николаевна, кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: SavinovaE.N@yandex.ru, AuthorID: 426467

SAVINOVA E.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: SavinovaE.N@yandex.ru, AuthorID: 426467

ТРАНСЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТИНУИТЕТ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

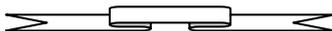
TRANSCIVILIZATIONAL CONTINUITY OF THE BOSPORAN KINGDOM

Аннотация. Цель статьи заключается в тезисном представлении авторской концепции трансцивилизационного континуитета Боспорского царства в контексте учения Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах. Авторы приходят к выводу о том, что древний боспорский сплав влияний различных цивилизаций и наложений многих культурных горизонтов должен рассматриваться как трансцивилизационный континуитет Боспорского царства. В этом следует искать основные критерии русского культурно-исторического типа.

Ключевые слова: культурно-исторические типы, Боспорское царство, трансцивилизационный континуитет, евразийство, туранство, эллинизм, византизм.

Abstract. The purpose of the article is to present the thesis of the original author's concept of the transcivilizational continuity of the Bosphorus kingdom in the context of the teachings of N.Ya. Danilevsky about cultural and historical types. The authors come to the conclusion that the ancient Bosphoran fusion of influences from various civilizations and overlays of many cultural horizons should be considered as a transcivilizational continuity of the Bosphoran kingdom. In this we should look for the main criteria of the Russian cultural and historical type.

Keywords: cultural-historical types, Bosphoran kingdom, transcivilizational continuity, Eurasianism, Turanism, Hellenism, Byzantism.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, в условиях глобального кризиса, обострившегося на фоне противостояния России и коллективного Запада, размышления о теоретическом наследии Н. Я. Данилевского приводят любого здравомыслящего человека к осознанию правоты этого выдающегося русского цивилициониста в его выводах о том, что «Европа не признает нас своими», что она «видит в России нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для неё простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды...» [3]. Удивляет точность и актуальность формулировок, изложенных в 1869 году.

Безусловно, в настоящее время разлом проходит уже в несколько иных государственно-территориальных и этнокультурных границах. В наши дни Европа Н. Я. Данилевского – более ёмкая категория. По сути, условная символическая Европа сегодня представлена теми странами, регионами и народами, которые в геополитическом плане признают главенствующую роль США и/или Евросоюза. В социокультурном контексте – это страны, разделяющие цивилизационный (прежде всего ценностный) вектор современного развития коллективного Запада, несмотря даже на тот факт, что означенный вектор, по сути, отрицает глубинные основания самой западной цивилизации. И в этом смысле сегодняшняя Россия, сохраняя в себе очень многое из традиционного европейского культурного наследия, оказывается в большей степени Европой, нежели сама Европа.

Вероятно, Н. Я. Данилевский не очень бы удивился тому факту, что роль мирового гегемона взяли на себя англосаксы во главе с Соединенными Штатами Америки, но, несомненно, он был бы поражён тем обстоятельством, что знаменем борьбы Запада и его сателлитов с Россией станет Украина. И, конечно, этого мыслителя (как убеждённого панслависта) привёл бы в полное замешательство тот факт, что в стане яростных

недругов Русского мира окажется подавляющее большинство славянских стран (в том числе балканских). Поэтому следует иметь в виду, что взгляды Н. Я. Данилевского могут быть правильно поняты только в контексте международных реалий второй половины XIX столетия, когда такие мощные геополитические государственные образования, как Османская и Австро-Венгерская империи испытывали серьёзный кризис, вызывавший множество вопросов о будущем их народов. Среди последних упомянем, прежде всего, балканских славян, традиционно исповедовавших православие и относящихся к так называемому византийскому содружеству наций [11; 14]. Н. Я. Данилевскому неслучайно грезились «Славянский союз», который, по мнению исследователя, мог бы сложиться на основе отдельного (славянского) культурно-исторического типа.

Впрочем, идеи, содержащиеся в книге «Россия и Европа», следует расценивать не столько как научно-исследовательский, сколько как футуролого-идеологический конструкт, показывающий возможные варианты цивилизационного и геополитического развития Русского мира и Запада. Это своего рода глобальная утопия, хотя, конечно, мы должны помнить об этой работе не в связи с утопичностью славянского проекта, а в связи с тезисом о том, что Россия – не Европа, что у неё собственный культурно-исторический путь, отличный от западного.

Между тем современные реалии показывают, что в вопросе, например, о том же славянском единстве более дальновидным оказался современник Н. Я. Данилевского – К. Н. Леонтьев. Последний не только не исповедовал славянофильства, но, более того, провозглашал бессодержательность всеславянской племенной связи как таковой.

Отрицал К. Н. Леонтьев и сугубо славянскую сущность нашей страны, утверждая: «Бессознательное назначение России не было и не будет чисто славянским...» [8, С. 284–285].

Приведённый отрывок показывает, что К. Н. Леонтьев, соглашаясь с Н. Я. Данилев-

ским по вопросу о принципиальном различии России и Европы, не разделяет славянофильских чаяний последнего. Напротив, он видит опасность западного влияния на Россию через славян (прежде всего, болгар), на стороне которых были симпатии либеральной российской общественности. Истоки такого «болгаробесия» К. Н. Леонтьев увидел в либеральном всеславянстве, которое, по его мнению, и есть либеральное зло.

Нынешняя международная политическая повестка показывает, насколько точно оценивал К. Н. Леонтьев сомнительность славянского братства, преданного и втопанного в кровь украинским бандеровским режимом Киева и сочувствующими ему русофобами Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Северной Македонии и прочими. Они продали свои идентичности и свои суверенитеты беснующемуся постмодернистскому Западу за сладкие посулы сытой жизни в составе европейской толерантно-либеральной трансгендерной семьи.

Подобное положение вещей требует переосмысления многих устоявшихся постулатов, которые во множестве рождались в российской общественно-политической мысли и до Н. Я. Данилевского, и в его время, и в наши дни. Такое переосмысление в основе своей затрагивает то, что в современном дискурсе часто именуют национальной идеей, ценностными смыслами, духовными скрепами, исторической памятью, Русским Логосом и т. д.

Кстати, упомянутый нами К. Н. Леонтьев критиковал Н. Я. Данилевского ещё и за то, что последний в ряду культурно-исторических типов не выделил отдельно русский.

Между тем и история нашей страны, и современные глобальные процессы, на наш взгляд, со всей очевидностью свидетельствуют об особом положении России, её цивилизационной миссии не только на территории Евразии, но и во всем мире. В этой связи вопрос о горизонтах осмысления русского/российского культурно-исторического

типа не только продолжает сохранять философскую и научную актуальность, но и обретает политико-управленческую остроту.

Со времён Н. Я. Данилевского означенная задача не стала легче, и в своих размышлениях мы не ставили цель (что граничило бы с безответственной самонадеянностью и даже с безумием) дать чёткие критерии, позволяющие раскрыть содержание русского/российского культурно-исторического типа. Тем не менее считаем возможным высказать некоторые суждения по рассматриваемой проблематике.

Для начала проявим солидарность с нашим соотечественником А. Г. Дугиным (интереснейшим современным мыслителем) в вопросе о том, что без изучения культурных горизонтов, оказавших наибольшее влияние на русскую идентичность, понимание русской цивилизации невозможно [4].

А. Г. Дугин среди прочего вполне справедливо и обоснованно отмечает, что на структуру русской идентичности существенное влияние оказала туранская (индоевропейская) кочевая андрократическая культура и её неиндоевропейские преемники: «Русских этот туранский фактор – как индоевропейский (скифы, сарматы), так и постиндоевропейский (гунны, авары, турки, мадьяры, монголы) – затрагивал самым прямым образом на разных этапах истории, с глубокой древности до самых последних веков» [4, С. 7].

В качестве ещё одного горизонта формирования русской идентичности Александр Гельевич указывает средиземноморскую культуру (в лице греческой и византийской), отмечая, что «для полноценного понимания русского мировоззрения необходимо предварительное знакомство с эллинизмом и византизмом» [4, С. 7].

Данные оценки свидетельствуют о последовательности А. Г. Дугина в его евразийстве, которое, по нашему глубокому убеждению, является одним из важнейших концептуальных векторов, выработанных отечественной мыслью для постижения рус-

ского/российского культурно-исторического типа.

О туранстве и византизме в своё время рассуждал и упоминавшийся нами К. Н. Леонтьев, для которого византизм как идеал политического спасения от Запада был фактором решения так называемого православно-восточного вопроса.

На наш взгляд, сам К. Н. Леонтьев не в полной мере составил для себя представление о содержательном наполнении термина «византизм». Для него «византизм» – тот же панславизм Н. Я. Данилевского, но имеющий в своей основе не этнокультурную, а православно-культурную составляющую. К. Н. Леонтьеву важно было обозначить собственные опасения по поводу либерально-европейской окраски всеславянства, поэтому он рассуждал о славянах через призму византизма – идеологической доктрины, противопоставляемой антирелигиозному, рационалистическому, либеральному Западу [12] с его «сатанинским хаосом индустриального космополитизма и современного вавилонского всесмешения» [6, С. 388].

Говоря же о туранстве, К. Н. Леонтьев, по сути, приписывал его русским как «туранской нации»: «...только из более восточной, из наиболее азиатской – туранской нации, в среде славянских наций может выйти нечто, от Европы духовно независимое...» [7, С. 272].

Правда, сам философ не был уверен, что нечто особенно славянское, отделяющее Россию от Запада, в конечном итоге найдется или выработается. Он рассматривал это как перспективную доктринальную задачу [10, Т. 22, С. 445].

Возвращаясь же к концепту культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, а также к идеям А. Г. Дугина, мы задаемся вопросом, прав ли был первый, не выделивший в своей типологии ни российского, ни русского культурно-исторических типов, и прав ли второй, отметивший влияние туранства, эллинизма и византизма на русскую идентичность.

Ответ на первый вопрос, на наш взгляд,

более очевиден. Многовековой евразийский путь расселения народов по территории, ставшей в какой-то момент Россией, – это, пожалуй, и есть то особенное, что отличало и отличает нашу страну как от Запада, так и от нерусских славянских территорий в Европе. Это позволяет говорить, что Россия – и не Запад, и не Славянство, но при этом она и не Восток в полной мере. Скорее, уместнее говорить, что Россия – одновременно и Запад (по принадлежности к европейской цивилизации, прежде всего средиземноморской), и Славянство (по этнокультурной самоидентификации русских как «государствообразующего народа» [5]), и Восток (по большей части азиатской территории и по количеству народностей, не относящихся к славянским). Подобного рода цивилизационный сплав просто не может не быть выделен в отдельный культурно-исторический тип.

Однако здесь одновременно возникает проблема трансцивилизационного континуитета, поскольку вопрос непрерывности (например, с учетом трансформационных изменений и дальнейшего развития на качественно новом этапе) или прерывности (в результате естественного угасания) цивилизаций пока еще остается весьма дискуссионным.

Тем не менее, пытаясь осмыслить вопрос о влиянии туранства, эллинизма и византизма на русскую идентичность, мы пришли к следующим выводам.

Для начала о византизме. В нём, на наш взгляд, есть очевидная опасность в части тоталитарных девиаций политического мировоззрения. Эта опасность связана с монополией на истину, типичной для византистского (как и для византийского) мировоззрения. В данном вопросе исторические византийцы (по крайней мере, их элиты) были в большей степени носителями мировоззрения Запада, поскольку они ставили себя в центр геополитической иерархии и не допускали иррациональной сложности мира с его многополярностью. Поэтому-то и идеологический концепт византизма должен рассматриваться как вариант западничества, ввевше-

гося в сознание русских элит. Но применительно ко всей русской идентичности византизм, по сути, является национальным проявлением чувства цивилизационной неполноценности, попыткой позаимствовать собственную коллективную сущность у кого-то другого (в данном случае у Византии) со всеми московитскими и великоросскими культурно-историческими производными в виде идей правопреемства российской верховной власти от византийских императоров; киевопочитания (в контексте сакрально-православной связи с Византией); мессианского панславизма и т. п.

Неудивительно, что византизм (как идеология) пришелся ко двору не только в самодержавной Российской империи, но и в послеельцинской России, став частью политико-идеологического дискурса так называемых государственников.

Однако нынешняя геополитическая ситуация вокруг России складывается таким образом, что «Третий Рим», который на протяжении нескольких последних столетий (включая даже советский период) был спасительным центром притяжения для многих стран и народов, относимых к так называемому византийскому содружеству наций, теперь оказался предан многими представителями этого «содружества» (и славянскими, и неславянскими).

Но мировоззренческая опасность византизма состоит не только в том, о чём было сказано. Она еще заключается в сложности отделения политических византистских постулатов от православного вероучения (как такового), что таит в себе цезаре-папистское теократическое искушение подмены церкви государством, а это, в свою очередь, может привести к формализации и фарисейскому выхолащиванию православия, являющегося одним из важнейших горизонтов русского/российского культурно-исторического типа.

Высказанные соображения, на наш взгляд, ставят под сомнение уместность и перспективность использования в современ-

ных условиях византистского концепта как для поиска национальной идеи России, так и для понимания истинных культурных горизонтов русского/российского культурно-исторического типа.

Как нам думается, искать горизонты русского/российского культурно-исторического типа следует не в Византии (далекой от нашей исконной земли), не в византизме (с его цезаре-папизмом) и, конечно, не в панславизме (с его эфемерным и мнимым всеславянским братством). Искать эти горизонты уместнее в чём-то более близком и основательном. Но в чём?

Мы подошли к ключевому моменту наших размышлений – необходимости обратить внимание на те цивилизационные истоки российской культурно-исторической модели, которые вроде всегда оставались в поле зрения отдельных специалистов-исследователей, но при этом очевидно (с умыслом или без такового) загонялись в тень на полях социально-философского, политологического и культурно-антропологического дискурсов. Впрочем, акцент, который мы намерены сделать на упомянутых истоках, не противоречит общей канве рассуждений о России как о стране этнокультурного и языкового многообразия [5], объединенной тысячелетней историей и сохраняющей память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога. Данные постулаты получили не только разнообразное философское и научно-теоретическое обоснование, но и были закреплены в Конституции РФ [5].

Вот здесь уместно поразмышлять над вопросом о правоте А. Г. Дугина в части влияния туранства и эллинизма на формирование русской идентичности. Данные размышления побудили нас вспомнить о феномене, который, собственно, и стал, на наш взгляд, цивилизационной завеской русского/российского культурно-исторического типа, соединившего в себе эллинизм и туранство.

Пришло время для нашего слова о Боспорском царстве – древнейшем государ-

ственном образовании, некогда процветавшем на территории современной России на протяжении целого тысячелетия¹. Не каждая держава, не всякая социокультурная общность может похвастаться столь почтенной продолжительностью своего существования. К тому же территориально Боспорское царство – это юго-запад нынешней России, соединяющий через Керченский пролив Европу и Азию (что весьма символично для нашей страны).

Иными словами, мы убеждены, что горизонты русского/российского культурно-исторического типа уместнее всего искать в трансцивилизационном континуитете Боспорского царства.

Континуитет этот простерся сквозь века от независимого эллино-скифского государства, прошедшего римско-имперский и гуннский патронаж (с сохранением суверенитета), новые периоды независимости и далее через конфедератский статус в составе Византии к славянству и древнерусской культурно-исторической модели в лице Тмутараканского княжества.

К месту вспомним, что правители Тмутаракани проводили существенно более самостоятельную и независимую от Киева политику. Их не устраивала роль, которую им пытался отводить Киев на так называемой лестнице Ярослава (у них не было возможности сесть на великокняжеский киевский престол, и они выпадали из общей очереди), поэтому они могли рассчитывать только на собственные силы. Неудивительно, что Тмутаракань оказалась главным политическим субъектом в войне за отстаивание права на независимое существование, а ее правители на протяжении X – XI вв. не раз оказывали серьезное влияние на ход русской истории. Там – на древней боспорской земле – ковалась истинно русский дух, рождалась русская идентичность.

Возвращаясь к Боспорской державе, отметим, что именно там, по нашему глубокому

убеждению, зародились духовные скрепы, несправедливо отданные придворной (царской и советской) историографией Киеву, который в условиях современной геополитической и цивилизационной ситуации становится всё более сомнительным историческим ориентиром для постижения поиска горизонтов русского/российского культурно-исторического типа и для возрождения Русского мира.

У наших идейных оппонентов, безусловно, сразу возникнут вопросы о «матери городов русских», о «крещении Руси», о «столице» последней и тому подобных устоявшихся исторических мифологемах.

Рамки статьи не позволяют нам странно доказывать, что, например, принятие в Херсонесе киевским князем Владимиром Святославичем святого крещения и насильственное обращение в христианство жителей Киева не было еще «крещением Руси». Процесс утверждения православного христианства на землях, подконтрольных Киеву, Новгороду и прочим крупным центрам, был сложным и длительным (что, безусловно, не умаляет значения победы православия на территории расселения ряда восточнославянских и финно-угорских племен, объединенных в Древнерусское государство).

Но не нужно забывать, что еще до Владимира состоялось так называемое Фотиево (или Аскольдово) крещение, когда миссионерами Константинопольского патриарха Фотия I были крещены (в 860 г.) князь Аскольд и Дир с «боярами» и некоторым количеством народа. А позже (в 957 г.) в Константинополе приняла крещение княгиня Ольга.

Как видим, с точки зрения формирования православной составляющей русского культурно-исторического типа у Киева роль не больше, чем у Константинополя или Херсонеса.

Думается, здесь важно восстановить историческую справедливость и вспомнить, когда именно православие начинает утверждаться на землях, подпадающих под географические и культурно-исторические гра-

¹ 2020 год был объявлен в Российской Федерации как Год 2500-летия Боспорского царства.

ницы России. Между тем время и место известны.

Не Константинополь, не Херсонес и тем более не Киев должны считаться колыбелью православия в истории нашей страны. Свет Истины Христовой пришел с Боспора Киммерийского, и всем христианам нашей страны (и не только христианам) следовало бы помнить, что распространение Слова Божьего на территории нынешней России связано с Боспорской епархией – самой древней¹ в истории нашего Отечества. Поздние же боспорские цари должны рассматриваться в качестве первых христианских правителей в российской истории.

Собственно, Боспорское царство – это и есть начало российской истории. Оппоненты снова возразят, подвергнув критике данный тезис. Они, несомненно, заявят об абсурдности идеи трансцивилизационного боспорского континуитета, простирающегося через столетия к Древнерусскому государству и далее – к России. Но абсурдность высказанной нами идеи представляется не большей, чем идея отсчета истории нашего Отечества от даты принятия христианства князем Владимиром или от основания Киева, и не больше, чем нынешние претензии неонацистского киевского режима на монополию истории Древней Руси.

Между тем украинский президент В. Зеленский в своём поздравлении по случаю Дня крещения Руси (который в 2022 г. на Украине впервые отмечался совместно с еще одним праздником – Днем государственности) заявил: «Украина – единственная законная наследница Киевской Руси». Кроме того, он добавил: «[Украина] – страна, с которой началась история христианства в

¹ Боспорская епархия (более древняя, нежели Херсонесская) была основана, по самым скромным подсчетам, не позднее начала IV века, поскольку уже на Первом Вселенском Соборе присутствовал ее епископ, подписавшийся именем Домн Боспорский. Иными словами, в III веке Боспорская епархия уже должна была набрать силу, а ее архиереи – нисколько соответствующий авторитет в Константинополе.

Восточной Европе». Годом ранее он же в обращении по случаю Дня крещения Руси назвал Киевскую Русь «матерью украинской истории»².

В. Зеленскому неведомо, что термин «Киевская Русь» был введен в научный оборот советским академиком Б. Д. Грековым, пояснившим в одноименной монографии: «...в своей работе я имею дело с Киевской Русью не в узкотерриториальном смысле этого термина (Украина), а именно в том широком смысле «империи Рюриковичей»... включающей в себя огромную территорию, на которой впоследствии образовалось несколько самостоятельных государственных единиц» [2]. При этом не стоит забывать, что с советских времен в исторической науке существовал и иной термин – «Древнерусское государство» (без всяких киевских и украинских акцентов). Впрочем, в последние годы понятие «Киевская Русь» всё реже используется в научном дискурсе. Это к слову об абсурдности тех или иных идеологем, взглядов и теорий.

Что же касается идеи трансцивилизационного континуитета Боспорского царства, то культурно-историческая связь феномена этого полиэтничного государства (эллино-варварского/греко-романо-туранского и к тому же православного (на позднем этапе существования)) с русской идентичностью значительно более глубокая, чем может показаться на первый, поверхностный взгляд.

Мы уже упомянули о Боспорской епархии и православии, а также о туранской и славянской составляющих (в части размышлений о Тмутараканском княжестве). И тем не менее полагаем необходимым несколько расширить наше видение туранско-славянского элемента русского/российского культурно-исторического типа (естественно, в общем контексте проблематики), имея в

² Зеленский назвал Украину единственной наследницей Киевской Руси / РБК. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/07/2022/62e23f0c9a79479983799b54> (дата обращения: 29.09.2022).

виду, «варварскую»¹ составляющую феномена Боспорского царства.

Весьма подробно сказано о туранстве (и в большей степени о Русском Логосе и русской идентичности) упоминавшимся А. Г. Дугиным [1]. Его мысль сводится к тому, что туранский мир представлял собой кочевые воинственные племена, проживавшие на обширных пространствах Евразийской (Великой) степи. Античные и средневековые авторы называли их обобщенным термином «скифы» [13, С. 196–232], но отмечали при этом этнокультурные различия, имевшиеся у разных племен Скифии, географически идентичной Турану.

А. Г. Дугин справедливо говорит о том, что «Туран сам по себе – это некая парадигма, это индоевропейское кочевничество» и что «территория Турана – это наша страна» [1]. Философ отмечает, что «через множество столетий, тысячелетий после того, как изначально Туран был территорией индоевропейцев, потом индоевропейские народы передали свои инициативы другим неиндоевропейским народам – алтайским, частично уральским – наследие Турана заново вернулось в Россию. Мы, русский, индоевропейский народ, являемся владельцами этой гигантской территории Турана. То есть миссия индоевропейцев совершила полный круг и, начиная индоевропейцами, она завершается индоевропейцами, приходя к нам» [1].

Кстати, А. Г. Дугин говорит о том, что славяне и балты являются носителями туранского начала [1]. По сути, об этом же писал в свое время еще М. В. Ломоносов, который очень много времени посвятил вопросу происхождения славян и русского народа. Его вывод сводится к тому, что русские происходят от племени роксаланов, которые были не только непосредственными соседями Боспорского царства, но и на определенном этапе стали одним из этносов, влившихся в народ боспоритов.

¹ Данный термин используется авторами в сугубо устоявшемся понятийном историческом контексте, возникшем в эпоху Античности.

М. В. Ломоносов, как истинный патриот России, откровенно пишет: «Понете народ Российский с народом Роксаланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неоспоримо есть, что Российский народ имеет свое происхождение и имя от Роксалан древних» [9, С. 199].

Безусловно, при уровне развития науки своего времени Михаил Васильевич допустил отдельные неточности, но при этом он создал логически выверенную теорию о происхождении русского народа. Собранные им данные о роксалане (и еще о венетах), об их единстве с сарматами позволили дать решительный отпор западникам-норманистам и доказать, что славянские предки русского народа имеют местное, туранское (в терминологии А. Г. Дугина) происхождение.

Авторитетное мнение великого М. В. Ломоносова разделяли и такие выдающиеся отечественные ученые, как Д. И. Иловайский, И. Е. Забелин, Д. Я. Самковасов и другие. Позднее отдельные российские исследователи находили дополнительные подтверждения правоты М. В. Ломоносова о происхождении названия Русь от роксалан. Справедливости ради, нужно отметить, что роксаланская теория фактически должна рассматриваться как частный случай скифо-сарматской гипотезы, суть которой сводится к скифским/сарматским культурно-историческим и этническим корням русского народа.

Не вдаваясь в отдельные аспекты существующих в этом вопросе многочисленных дискуссий, отметим, что мы разделяем общий концептуальный посыл сторонников роксаланской теории и скифо-сарматской гипотезы, и отдельно добавим, что в научной традиции боспороведения последняя династия местных царей (Тибериев-Юлиев, или иначе – Савроматов), помимо прочего, именуется сарматской. Сказанное позволяет считать, что в экзистенциальном смысле на Боспоре правила «русская» династия. Во всяком случае, не менее «русская», чем правившие на Русской земле скандинавы Рюри-

ковичи или Гольштейн-Готторп-Романовы. Любопытно, что Рюрикович Иван IV Васильевич (Грозный) дерзал заявлять, что он «от Августа Кесаря родством ведется», основатель же сарматской династии – царь Аспург¹ – получил подтверждение легитимности своей власти на Боспоре непосредственно от императора Августа, принял римское гражданство и право именоваться Тиберием Юлием. Как известно, Юлий – это родовое имя Гая Юлия Цезаря и Октавиана Августа. Это означает, что Аспург и его потомки считались полноправными членами рода Юлиев². Сказанное еще раз иллюстрирует, что Боспорское царство принадлежало в равной степени варваро-туранскому и греко-римскому мирам. Интересно, что периодически эллино-туранский дух боспорских царей заявлял о себе, воплощаясь в реальных антиримских политических предприятиях (не смотря на официальную царскую титулатуру, связь династии Савроматов с родом Юлиев и цивилизационное высокомерие Рима, всегда стремившегося к однополярности Ойкумены). Так, например, ок. 267–268 г. царь Хедосбий предпринял морской поход против Римской империи, а царь Фофорс в 291–293 г. собрал коалицию варварских племен, возглавив их в походе против Рима (к слову, в той войне Херсонес, воспеваемый отдельными нашими государственниками, был на стороне Рима, т. е. Запада). Позднее ещё один царь – Радамсад – лично повел боспорские войска (в составе объединенных соединений варварских полчищ) на земли Империи, дойдя в 322 г. (или 323 г.) до устья Дуная. Вероятно, были и другие походы

¹ Царь Аспург – правнук Митридата VI Великого, в жилах которого текла кровь царских македонских династий Аргеадов и Селевкидов и персидской династии Ахеменидов.

² Распространенная в патрицианских семьях Рима система патроно-клиентских отношений. Патрон должен был защищать своих клиентов, а последние были обязаны поддерживать патрона. Более того, клиенты принимались в род патрона, носили его родовое имя и имели право быть похороненными на фамильном кладбище.

боспоритов под предводительством своих владык (имена которых пока исторической науке не известны).

Как тут не вспомнить древнерусские походы против «Второго Рима» – Царьграда?

Впрочем, важно понять, что культурно-историческая миссия Боспорского царства состояла не в противостоянии Риму, Херсонесу³ или многоликому варварскому миру (тем более оно само было порождением средиземноморско-варварского мира). Его судьба воплотилась в том, чтобы на пространстве Скифии-Турана-Евразии (грядущей России) цивилизационно соединить Европу и Азию, Запад и Восток (словно древний вызов будущим сомнительным измышлениям колониалиста-русофоба Р. Киплинга).

Собственно, соединение Запада и Востока легло в основу особого цивилизационного облика России и самого русского/российского культурно-исторического типа. Наша страна – неразрывный сплав влияний различных цивилизаций и наложений многих культурных горизонтов. И сплав этот (естественный, гармоничный, устойчивый и живой), менявшийся в отдельных частных аспектах, сохранял и сохраняет свою древнюю сущность, свои глубинные основания, позволяющие говорить о том, что поиск горизонтов русского/российского культурно-исторического типа следует искать в трансцивилизационном континуитете Боспорского царства, феномен которого как раз и заключается в уникальном по своей жизнеспособности евразийском соединении эллинского духа познания, творческого созидания, предприимчивости и восточной по своей сути религиозности с туранской пространственной пассионарностью, духом свободы, природной мудростью, бое-

³ Геополитически Херсонес был противником Боспорского царства, хотя на протяжении значительного периода своей истории находился в зависимости от Боспора. Рим же, разделяя и властвуя, то подчинял Херсонес боспорским царям (своим союзникам), то даровал «свободу» (для того чтобы умерить амбиции Боспорского царства).

вым мужеством, почитанием предков, сохранением традиций и священной любовью к своей земле.

Это соединение, являющееся очевидным проявлением зародившегося несколько тысячелетий назад трансцивилизационного континуитета Боспорского царства, до сих пор экзистенциально продолжающего свою миссию, остается альфой и омегой существования нашей полиэтничной и многоконфессиональной страны, о которой с полным на то основанием можно говорить как об отдельном культурно-историческом типе, как о «стране-цивилизации».

Библиография / References:

1. Александр Дугин: «Туран – ключ к пониманию Русского Логоса» / Изборский клуб. [Электронный ресурс]. – URL: <https://izborsk-club.ru/15021> (дата обращения: 27.09.2022).

2. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. – 347 с.

3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1895. – 667 с.

4. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. – М.: Академический проект, 2019. – 461 с.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. – 1993. – № 237; СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

6. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: воспоминания и отрывки. Т. 2. – М.: Типолитография И.Н. Кушнерова и К^о, 1886. – 427 с.

7. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: о пороках фанариотов и о русском

незнании. Т. I. – М.: Типолитография И.Н. Кушнерова и К^о, 1885. – 324 с.

8. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: письма о восточных делах, «Гражданин», 1882–1883 гг. Т. I. – М.: Республика, 1996. – 324 с.

9. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VI. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 246 с.

10. Моя литературная судьба: Автобиография / Константин Леонтьев. – New York: Johnson reprint corp., 1965. – 108 с.

11. Оболенский Д.Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. – М.: Янус-К, 1998. – 655 с.

12. Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя (1888–1891) // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Приложение. Кн. 1. – СПб., 2012.

13. Подосинов А.В. «Скифия» как обозначение нескифских культур. Гл. 7. // Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков: монография / А.В. Подосинов, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова. – М.: Аквилон, 2016. – 317 с.

14. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. – 655p.

1. Aleksandr Dugin: Turan – klyuch k ponimaniyu Russkogo Logosa [Turan is the key to understanding the Russian Logos] / Izborskiy klub. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://izborsk-club.ru/15021> (Data obrashcheniya: 27.09.2022). (In Russ.).

2. Grekov B.D. (1953) Kiyevskaya Rus' [Kievan Rus]. – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR. – 347s. (In Russ.).

3. Danilevskiy N.Y. (1895) Rossiya i Yevropa: Vzglyad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k germanoromanskomu [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance]. – SPb.: Tipografiya brat'yev Panteleyevykh. – 667s. (In Russ.).

4. Dugin A.G. (2019) Noomakhia: voyny uma. Russkiy Logos I. Tsarstvo Zemli. Struktura

russkoy identichnosti [Noomachy: wars of the mind. Russian Logos I. Kingdom of the Earth. The structure of Russian identity]. – M.: Akademycheskiy proyekt. – 461s. (In Russ.).

5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation] (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) s uchotom popravok, vnesennykh Zakonomi RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 №2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 14.03.2020 № 1-FKZ // Rossiyskaya gazeta. – 1993. – № 237; SZ RF. – 2020. – №11. – St. 1416. (In Russ.).

6. Leont'yev K.N. (1886) Vostok, Rossiya i slavyanstvo: vospominaniya i otryvki [East, Russia and Slavdom: Memoirs and Fragments]. T.2. – M.: Tipolitografiya I.N. Kushnereva i K°. – 427s. (In Russ.).

7. Leont'yev K.N. (1885) Vostok, Rossiya i slavyanstvo: o porokakh fanariotov i o russkom neznanii [East, Russia and the Slavs: about the vices of the Phanariots and about Russian ignorance]. T.1. – M.: Tipolitografiya I.N. Kushnereva i K°. – 324s. (In Russ.).

8. Leont'yev K.N. (1996) Vostok, Rossiya i slavyanstvo: pis'ma o vostochnykh delakh, grazhdanin, 1882-1883gg. [East, Russia and Slavdom: Letters on Eastern Affairs, Citizen, 1882-1883] T.1. – M.: Respublika, 1996. – 324s. (In Russ.).

9. Lomonosov M.V. (1952) Polnoye sobraniye sochineniy. T. VI [Full composition of writings]. – M.; L.: Izdatel'stvo Akademiyi nauk SSSR. – 246s. (In Russ.).

10. Moya literaturnaya sud'ba: Avtobiografiya / Konstantin Leont'yev [My literary destiny: Autobiography / Konstantin Leontiev]. – New York: Johnson reprint corp., 1965. – 108s. (In Russ.).

11. Obolenskiy D.D. (1998) Vizantiyskoye Sodruzhestvo Natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. – M.: Yanus-K. – 655s. (In Russ.).

12. Perepiska K.N. Leont'yeva i I.I. Fudelya [Correspondence of K.N. Leontiev and I.I. Fu-

del] (1888–1891) // Leont'yev K. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 12 tomakh. Prilozheniye. Kn. 1. SPb., 2012. (In Russ.).

13. Podosinov A.V. (2016) «Skifiya» kak oboznacheniye neskifskikh kul'tur. [«Scythia» as a designation for non-Scythian cultures] Gl. 7. // Skifiya v istoriko-geograficheskoy traditsii Antichnosti i Srednikh vekov: monografiya / A.V. Podosinov, T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova. – M.: Akvilon. – 317s. (In Russ.).

14. Obolenskiy D. (1971) The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson. – 655p. (In Engl.).